

Текст · 18 февраля 2021, 13:18
Анастасия Ясеницкая,

В Ростове-на-Дону вынесен приговор по первому делу о «нежелательной организации». Активистка «Открытой России» Анастасия Шевченко получила 4 года условно

Обыск, дело, смерть дочери

Два года назад, утром 21 января 2019 года силовики **пришли** с обысками к активистам «Открытой России» в Казани и Ростове-на-Дону. Следственные действия были связаны с уголовным делом об «осуществлении деятельности иностранной или международной организации, признанной нежелательной на территории России» (статья 284.1 УК), которое возбудили против члена федерального совета движения из Ростова Анастасии Шевченко. Она стала первым человеком в стране, на которого завели дело по этой принятой в 2015 году статье.

После обыска Шевченко две ночи продержали в изоляторе временного содержания, а 23 января Ленинский районный суд Ростова **отправил** ее под домашний арест. Защита активистки просила отпустить ее под подписку о невыезде и готова была внести залог. Однако суд счел, что Шевченко может скрыться от правосудия. Во время апелляции на арест адвокат Сергей Ковалевич **просил изменить** своей подзащитной меру пресечения, так как ее 17-летняя дочь Алина Шевченко серьезно заболела.

Старшая дочь Шевченко страдала врожденным заболеванием и жила в интернате для детей с особенностями развития. По словам активистки, она решила отдать ребенка в специализированное учреждение по настоянию опеки, так как дома не могла обеспечить дочери круглосуточное наблюдение специалистов. При этом Шевченко настаивала, что регулярно навещала дочь и оставалась с ней в интернате, если состояние девочки ухудшалось. Всего у Шевченко трое детей; 14-летняя Влада и семилетний Миша жили вместе с матерью.

«Моей старшей дочери 17 лет, она лежит, не может самостоятельно принимать пищу и дома содержаться не может. Органы опеки сами настояли на том, чтобы дочь находилась в спецучреждении. Мне звонили из Зверевского интерната — дочь положили в зверевскую больницу. С ее диагнозом любая болячка может стать последней», — передавал «Кавказский узел» слова Шевченко, просившей суд отпустить ее из-под домашнего ареста.

Активистка говорила, что за неделю ее просьбу так и не рассмотрели. Она объясняла, что ей нужно передать лекарства и ухаживать за больным ребенком, однако суд не прислушался к этим доводам и не позволил Шевченко посещать дочь в интернате.

30 января — в тот день, когда оппозиционерке предъявили обвинение — стало известно, что ее дочь попала в реанимацию с обструктивным бронхитом. Состояние Алины врачи оценили как критическое. Только тогда следователь разрешил обвиняемой посетить дочь, но строго до 18:00 1 февраля.

Шевченко успела попрощаться со своим ребенком, 31 января Алина умерла. На похороны Шевченко смогла сходить также по разрешению следователя.

Домашний арест, скрытая камера в спальне и обида нодовца Рулева

Через год суд начал постепенно смягчать Шевченко условия домашнего ареста. В январе ей разрешили прогулки, телефонные звонки и общение со всеми, кроме свидетелей по делу. Летом Шевченко позволили провожать детей в школу и ходить на родительские собрания, использовать интернет для занятий по английскому языку с учениками, посещать продуктовые магазины и аптеки. Всего под домашним арестом Шевченко провела больше двух лет.

После возбуждения дела против активистки ее младшая дочь Влада стала публиковать в фейсбуке посты с тегом #ХроникиДомашнегоАреста, где подробно рассказывала о жизни матери. Девушка писала, как они с братом украшают ее электронный браслет, выкладывала видео, где Шевченко ходит лунной походкой, как Майкл Джексон, и жаловалась, что следователь не отпускает мать к стоматологу, поэтому она пыталась вырвать больной зуб сама. В январе 2020 года Влада рассказала, что оперативники Центра «Э» установили в спальне матери скрытую камеру.

«Полгода до ареста мамы в ее спальне стояла видеочамера, установленная там по решению суда для слежки за опасным преступником. Об этом мы узнали осенью, а с видео мама начала знакомиться сегодня. На этих фото вся палитра эмоций мамы, когда она

увидела себя в материалах дела в нижнем белье», — писала девушка.

Адвокат Сергей Бадамшин, Влада и Анастасия Шевченко на фотографии под тегом #ХроникиДомашнегоАреста в Facebook. Фото: Влада Шевченко

Адвокат Сергей Бадамшин подтвердил, что 30 августа 2018 года Пролетарский районный суд Ростова-на-Дону разрешил сотрудникам Центра «Э» в течение 120 дней вести скрытую аудио- и видеозапись в квартире активистки.

Летом 2019 года Влада написала о встрече с 60-летним активистом НОД Сергеем Рулевым, показания которого есть в материалах дела против Шевченко. Позже Рулев стал регулярно посещать заседания по делу Шевченко, отмечала «Новая газета». По данным правозащитников, ранее он участвовал в нападениях на оппозиционных активистов. В своем посте Влада называла свидетеля обвинения «гадиной» и «подонком». В ответ Рулев написал на подростка заявление в прокуратуру.

«Знаю, что мама Влады Шевченко находится под следствием по статье 284.1 УК РФ и находится под домашним арестом. Предполагаю, что мама таким образом натравливает несовершеннолетнюю Владу Шевченко на меня как на свидетеля ее преступных действий», — цитировала текст жалобы девушка. Однако прокуратура дважды отказалась составлять протокол на несовершеннолетнюю по заявлениям провластного активиста.

Суд, вымышленная британская организация и еще шесть дел по статье 284.1 УК

В марте Октябрьский районный суд Ростова-на-Дону приступил к рассмотрению дела Шевченко по существу. В его основе лежат два вступивших в силу протокола по статье 20.33 КоАП^[1] — первый был составлен за участие в политических дебатах в Таганроге, а второй — за публикацию объявления школы муниципальных депутатов в Ростове.

Как рассказал «Медиазоне» координатор «Правозащиты Открытки» Алексей Прянишников, чтобы начать доследственную проверку, Следственному комитету нужно было найти третий эпизод участия Шевченко в деятельности «нежелательной организации». Им стало появление активистки на согласованном митинге с флагом «Надоел» осенью 2018 года. При этом, отмечает правозащитник, флаг даже не принадлежал Шевченко, его дала подержать одна из соратниц оппозиционерки.

По версии следствия, с 2017 года Шевченко осуществляла деятельность британской организации *Open Russia Civic Movement*, признанной в России

«нежелательной». Связь активистки с этой организацией СК доказывал ссылками на устав «Открытой России», написанный при учреждении движения в 2016 году; в нем упоминалась *Open Russia Civic Movement*.

Прянишников объясняет «Медиазоне», что закон позволяет наряду с наименованием организации на русском языке указывать в документах также его иностранный перевод; название нового общественного движения перевели как *Open Russia Civic Movement*.

В суде адвокат Бадамшин предоставил выписку из британского реестра, согласно которому в Соединенном Королевстве не зарегистрирована компания или НКО под названием *Open Russia Civic Movement*.

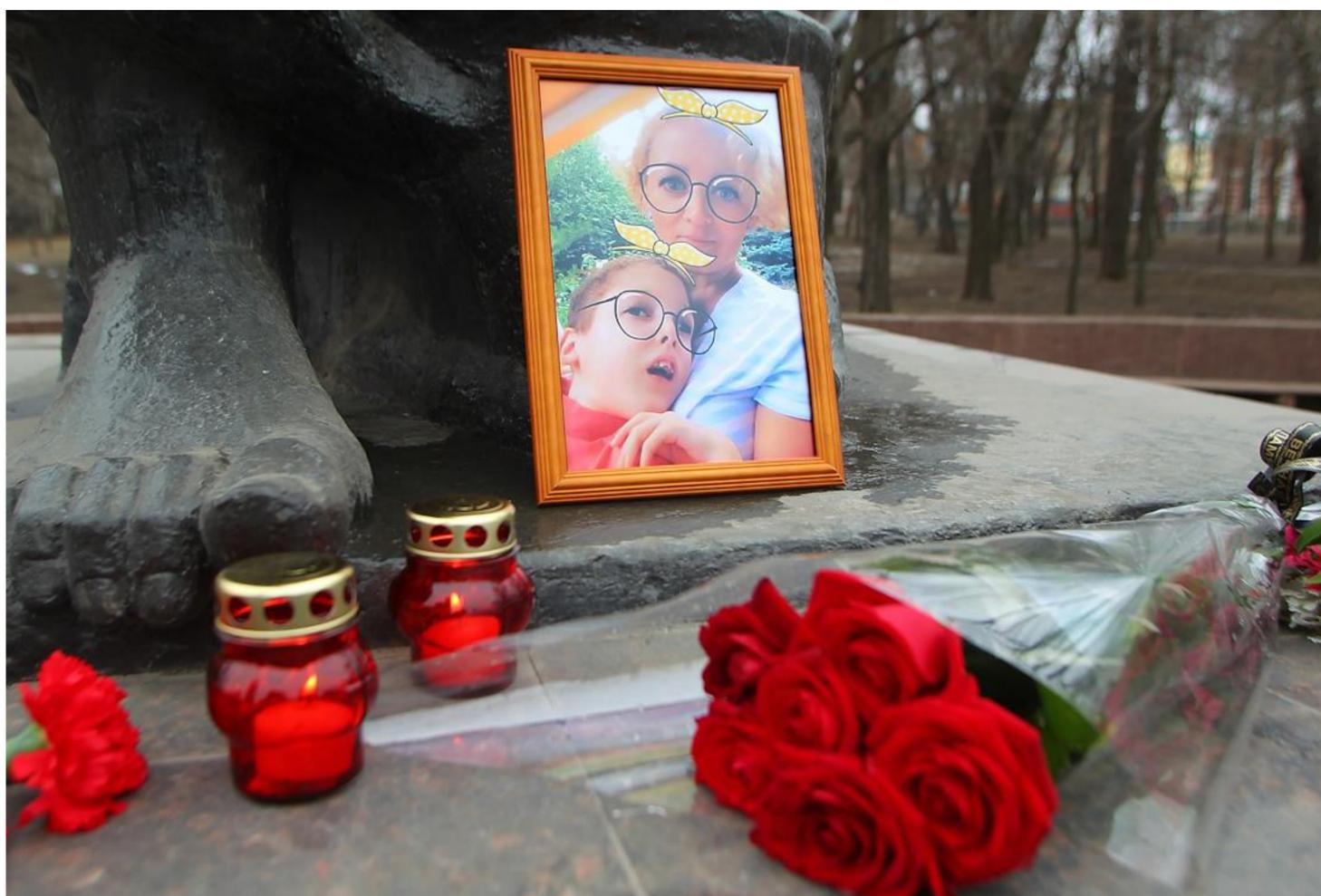
«Версия такая: прокуратура взяла наименование из устава российского общественного сетевого движения и вклеила в реестр. Но при этом нет такой организации в Великобритании и не было. Это вымышленная организация», — рассуждает Прянишников.

Он отмечает: специалист Минюста во время процесса пришла к выводу, что устав «Открытой России» соответствует российскому закону об общественных объединениях.

Таким образом, **настаивал** Бадамшин, движение «Открытое Россия», созданное в России в соответствии с российским законодательством, не может считаться иностранной или международной

организацией. Поэтому протоколы, составленные на Шевченко, незаконны, а состава преступления в ее действиях нет.

В последнем слове Шевченко назвала дело против себя политическим, поблагодарила близких и правозащитников за поддержку, и отметила, что два года под домашним арестом и сами по себе — несправедливое наказание.

Акция в поддержку Шевченко у памятника «Мать и дитя» в Ростове-на-Дону. Фото: Василий Дерюгин / Коммерсант

«Если вы считаете, что домашний арест более двух лет — это не наказание, я вам расскажу про то, как сидеть под домашним арестом с детьми, — говорила активистка. — Расскажу, что дети мои во время обыска боялись, но ни слезы не проронили. Как дочка моя, которая здесь присутствует, тайком мне конфетки в сумку для изолятора подкладывала, как к старшей дочери в больницу не пускали. Как сын мой ночью просыпался и кричал: "Мама!". Как девочка в 14 лет стала взрослой — никакого переходного возраста не было. И как они сейчас вдвоем после

брошенной прокурором фразы про пять лет считают последние дни и ждут приговора. Украдкой снимают меня на видео — чтобы память осталась. Голос мой записывают. Вам этого мало? Когда вы напьетесь моей крови?».

В 2015 году Владимир Путин подписал [закон](#) о «нежелательных организациях». Согласно документу, «нежелательной» считается иностранная или международная неправительственная организация, деятельность которой представляет угрозу основам конституционного строя России, обороноспособности страны или безопасности государства. Работа таких организаций в стране запрещена. Решение о включении организации в список «нежелательных» принимает Генпрокуратура.

Этот закон ввел в КоАП новую статью 20.33 (осуществление деятельности нежелательной организации). Наказание по ней составляет штраф от 5 до 15 тысяч рублей для физических лиц и от 50 до 100 тысяч — для юридических. Два протокола по статье 20.33 КоАП, вступившие в силу в течение года, могут стать причиной возбуждения уголовного дела об осуществлении деятельности «нежелательной организации» (статья 284.1, появившаяся в УК в том же 2015 году). Осужденные по этой статье могут быть приговорены к штрафу от 300 до 500 тысяч рублей, а также лишению свободы на срок от двух до шести лет.

В 2017 году Генпрокуратура признала «нежелательными» три организации, зарегистрированные в США и Великобритании и связанные с бизнесменом Михаилом Ходорковским: *OR (Otkrytaya Rossia)*, *Institute of Modern Russia* и *Open Russia Civic Movement*. По мнению надзорного ведомства, эти организации осуществляют в России «специальные программы и проекты в целях дискредитации результатов проходящих в России выборов, признания их итогов нелегитимными», а их деятельность направлена «на инспирирование протестных выступлений и дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации».

Несмотря на заверения представителя Генпрокуратуры Александра Куренного в том, что признание американских и британских юрлиц «нежелательными» не отразится на работе одноименного российского движения, активистов «Открытой России» стали преследовать по всей стране.

В марте 2019 года российское общественное сетевое движение «Открытая Россия» объявило о самоликвидации «для защиты активистов». Координатор «Правозащиты Открытки» Алексей Прянишников сказал «Медиазоне», что активисты несколько раз предпринимали попытки зарегистрировать в России юридическое лицо, но пока они остались безуспешными.

После Шевченко обвиняемыми по статье 284.1 УК стали еще шесть человек; двоим из них уже вынесен приговор. В феврале 2020 года к 300 часам обязательных работ приговорили бывшего координатора «Открытой России» в Екатеринбурге Максима Верникова. В октябре того же года Ленинский районный суд Краснодара назначил 240 часов обязательных работ бывшей главе местного отделения «Открытой России» Яне Антоновой. В Краснодаре же возбудили дело против пенсионера и члена совета «Открытой России» Леонида Малявина.

Бывший глава движения в Тюмени Антон Михальчук объявлен в федеральный розыск. Сейчас он находится за пределами России. Дело возбудили и против корреспондента «Юг. МБХ медиа» Александра Савельева, но спустя полгода его прекратили. Обвиняемым по статье 284.1 УК стал также нижегородский бизнесмен и пастафарианец Михаил Иосилевич. По его делу провели обыск у журналистки *KozaPress* Ирины Славиной, которая позже совершила самосожжение у здания регионального управления МВД.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности.